

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ ОБРЕЧЕНА НА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ ИЛИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ ОБРЕЧЕН?

В.К. Антонова

Настоящая статья является попыткой показать, как единство и борьба противоположностей мультикультурализма может помочь в формировании гармоничных социально-экономических, политических, этнокультурных условий для развития мультикультурного общества на примере Великобритании. Анализируется современный контекст академической и общественно-политической дискуссии по вопросам мультикультурализма с использованием статистических данных, материалов средств массовой информации и результатов недавних исследований ведущих британских ученых в сфере этнических отношений. В качестве вывода автор выдвигает идею о том, что, возможно, совсем не американский «плавильный котел», а противоречивый британский мультикультурализм в форме социальной политики послужит созданию общества «e pluribus unum».

Ключевые слова: мультикультурализм, этническое и культурное многообразие, иммигранты, этнические отношения, социальная политика Великобритании

Отражение этнокультурного многообразия в социальной политике Великобритании сегодня является не только темой целого ряда проводимых академических исследований и конференций. Значительное место занимает эта проблема в публикациях британских средств массовой информации и, более того, решением этого вопроса серьезно озабочено правительство и парламент Великобритании. Академические периодические издания, монографии ряда западных авторов последнего десятилетия, правительственные документы, представленные в том числе и на министерских официальных сайтах сети Интернет, содержат огромное число иногда совершенно противоположных точек зрения на мультикультурную природу современной Великобритании.

С одной стороны, это, безусловно, указывает на сохраняющуюся актуальность проблемы мультикультурализма в неконтинентальной части Европы. С другой стороны, это может и настораживать, поскольку столь длительные дебаты никак не закончатся разработкой более или менее концептуальной национальной стратегии в отношении британского мультикультурализма.

Настоящая статья имеет целью осветить неоднозначность восприятия мультикультурализма в Великобритании и проанализировать тенденции последнего десятилетия в осуществлении правительством страны попыток приблизить мультикультурализм к категории национальной политики.

Начать с того, что большинство доморожденных британских исследователей в сфере расовых отношений и мультикультурализма с трудом верят, что Великобритании есть чему поучиться в этой связи у континентальной Европы, «этой заграницы на том берегу моря» [Farvell, 2001, P. 35]. Такая политическая близорукость и академическая односторонность взглядов приводит к ситуации, когда и разработчики государственных стратегий - члены правительства и парламента, независимые политики, - и представители научной среды Великобритании продолжают работать под давлением концепций и идей, на глазах теряющих способность удовлетворить новым социальным, политическим, экономическим вызовам, порождаемым все увеличивающимся потоком мигрантов - экономических и ищущих убежища, поскольку в Европе последнего десятилетия доминируют именно эти категории мигрантов [Peach, 1990; Collinson, 1998; Rex, 2000; Coussey, 2000].

Дискуссии о европейском, в широком смысле этого слова, опыте, касающемся расовых и этнических отношений, довольно редки в британской литературе. Если они все же имеют место, то проблемы «остальной Европы» скорее рисуются в довольно нелестных выражениях. Проблемы других европейских стран, связанные с расовыми вопросами, иммиграцией или мультикультурализмом выставляются в невыгодном, даже негативном свете, контрастируя с относительно успешным опытом развития мультикультурализма в Великобритании [Soysal, 1994; Jenkins, 1997; Jones, 1993]. Европа зачастую преподносится как некий навязчивый политический субъект, угрожающий устанавить свои подходы к этой теме и, тем самым, снизить качественный уровень существующей британской политики в сфере расовых, этнических отношений и мультикультурализма [Farvell, 2001, P. 35]. Стремление Великобритании убедить всех в своей уникальности в части решения вопросов этнокультурного многообразия привело к тому, что, как отмечает тот же Эдриэн Фэрвэлл, «доминирующие концепции и теории, используемые ведущими специалистами для объяснения происходящих в Великобритании этнокультурных, расовых процессов, оказались сами по себе сильно политизированным продуктом системы взглядов, поддерживающих отличительность британского мультикультурализма. Таким образом, британские ученые сами являются частью той проблемы, которую пытаются диагностировать» [Farvell, 2001, P. 36]. Однако, нельзя не сказать, что в связи с растущим вовлечением в последнее десятилетие британских ученых в кросс-европейские исследования и кросс-культурные научно-исследовательские сообщества, появился ряд работ, затрагивающих наряду с

более знакомым британским контекстом и общеевропейский взгляд на мультикультурализм и этническое многообразие [Wrench, Solomos, 1993; Rex, Drury, 1994; Miles, Thranhardt, 1995; Modood, Werbner, 1997]. Вместе с тем вызывает озабоченность тот факт, что лишь небольшое число ученых озадачились тем, что они продолжают продвигать значительные теории и концептуальные инновации, которые никогда не были последовательно, в явном виде применены в каком-либо другом национальном контексте. Другими словами, предлагая свои теории в качестве наиболее позитивного решения вопросов мультикультурализма, британские авторы не верифицировали их за пределами узконационального контекста, не боясь, что созданные ими подходы могут быть фатально ограничены лишь конкретной страной и конкретной ситуацией.

Наиболее искушенные в вопросах мультикультурализма, культурного многообразия и роли современных государств в гармонизации этнокультурных отношений исследователи считают необходимым отметить, что современные подходы к решению указанных проблем испытывают на себе воздействие некоторых новых, но уже ставших фундаментальными постулатов, которых нельзя обнаружить в подобных академических изысканиях домодернизационного периода [Young, 1998; Young, 1999; Guibernau, Rex, 1997; Kymlicka, 2001].

Заключаются эти постулаты в следующем. Основное условие (в которое мало кто верил в середине прошлого века, но которое сегодня признается практически безоговорочно) состоит в том, что *культурный плюрализм является устойчивым атрибутом современных государств*. При ближайшем рассмотрении, в подавляющем большинстве государств-наций в нашем глобальном сообществе обнаруживаются значительные внутренние дифференциации, основанные на этничности, расе и религии. Значимость и серьезность этих дифференциаций в социальных и политических процессах велика и варьирует, как и степень политизированности и социальной активности этнических сообществ внутри государств.

Кроме того, больше нет оснований держаться за идею о том, что процесс, именуемый модернизацией и предполагающий расширение коммуникационных сетей и средств массовой информации, урбанизацию, повышение образовательного уровня и уровня грамотности, углубляющуюся и усложняющуюся экономическую активность и социальную стратификацию, неизбежно ведет к углублению ощущения принадлежности (привязанности, присоединения) к «нации», определяемой государством пребывания (проживания), либо к эрозии этноса, расы или религии, отделенной от нациеобразующего государства. Наиболее вероятно и более часто встречается, скорее, обратное: социальные изменения приводят к еще большей вариативности и созданию более сплоченных различных групповых, в том числе этнических, идентичностей. Кроме того, не следует упускать из вида, что этнокультурные сегменты общества сами по себе являются эволюционирующими субъектами, изменяющимися под действием жерновов социальных процессов и политической борьбы. В то же время сами идентичности обычно неоднородны, обладают сложной, многослойной структурой. Они не одинаковы в каждой этнической группе и по-разному ощущаются и переживаются каждым ее индивидуальным представителем.

Как нормативную посылку следует принять и то, что *культурное разнообразие требует прежде всего признания, нежели критической оценки*. Логика этого постулата требует развенчания более раннего допущения относительно того, что единственно здоровое, гармоничное и устойчивое равновесное состояние, в котором может находиться государство-нация, - это состояние гомогенности. «Этнические чистки» прошлого века свидетельствуют о глубокой моральной ущербности постулата о благодати гомогенизации. Однако логически вытекающее отсюда противоположное суждение, которое высказывается некоторыми защитниками мультикультурализма, о том, что государства должны стимулировать и усиливать различия, никакого особого одобрения не находит. Иными словами, несмотря на то, что государства заинтересованы в том, чтобы снискать доверие своих граждан, это не должно быть - а в современном мире и не может быть - сделано насильственным образом.

Принимая во внимание два указанных постулата, отметим, что социальная политика в таком случае должна инкорпорировать атрибуты культурного плюрализма современных государств как можно полнее. Это, в свою очередь, будет свидетельствовать и в пользу второго постулата, отражая признание этнического многообразия Великобритании на государственном уровне.

Итак, каково же на сегодняшний день представительство различных групп, относимых к этническим меньшинствам, в Великобритании? Согласно данным последней переписи населения, прошедшей в Великобритании в 2001 году, 7,9% населения относят себя к группе этнических меньшинств. Самой многочисленной группой являются выходцы из Индии, далее следуют пакистанцы, люди со смешанным этническим происхождением, темнокожие представители стран Карибского бассейна и Африки, уроженцы Бангладеш. Статистические данные свидетельствуют о том, что за десятилетие, прошедшее между двумя переписями с 1991 по 2001 год, рост населения, причисляемого к этническим меньшинствам, составил 53 % (с 3,0 млн в 1991 году до 4,6 млн в 2001 году). Самая высокая концентрация этнических меньшинств отмечена в столице - лишь немногим больше 50 % жителей Лондона сообщили при переписи, что они «белые британцы» [Office for National Statistics, 2001]. Здесь нам бы хотелось оговориться, что данная статистическая справка представляется нам ценной не только сама по себе, как иллюстрация количественного наполнения атрибута культурного плюрализма современной Великобритании, но, прежде всего, как показатель все возрастающей потребности правительства в учете и признании этого факта на государственном уровне. Ведь выработка, например, социально и культурно обоснованного подхода к выявлению через перепись различных категорий этнических меньшинств также является частью социальной политики, проводимой на национальном уровне и принимающей мультикультурализм не только де-факто, но и де-юре.

В этой связи нужно сказать, что перепись 1991 года была первой в истории Великобритании, положившей начало сбору информации о вероисповедании граждан. Этот важный компонент мультикультурализма ранее никак не фиксировался в государственном масштабе. Такой стандарт, касающийся и религиозных убеждений, и этнических корней населения, прежде всего, был положительно воспринят прави-

тельственными агентствами, выполняющими статистические исследования национального масштаба и начавшими с 1995 года осуществлять мониторинг этнических групп в стране. Однако все возрастающее число представителей этнических меньшинств, населяющих Великобританию, их явная неоднородность привели правительство к решению о значительном видоизменении вопроса, касающегося этнической принадлежности граждан, в переписи 2001 года. Впервые в опросные листы была введена категория «смешанного» происхождения, что подразумевает наличие у гражданина родителей различных рас или/и этнических групп [Office for National Statistics, 2001].

К сожалению, приходится констатировать, что число представителей различных этнических групп, «невидимых» для официальной статистики, скорее всего будет с каждым годом расти. Это, прежде всего, беженцы, а также ищущие политического убежища. По некоторым оценкам, на конец 1999 года около 68 тыс. человек прибыли в Британию с целью получить убежище. Самые высокие пропорции среди них составляют выходцы из бывшей Республики Югославии, Сомали, Шри-Ланки, Афганистана, Пакистана, Турции, Китая, Колумбии, Румынии, Албании, Чешской Республики, Хорватии, Ирака и Польши [Aspinall, 2000, P. 114]. Неспособность правительства справиться с таким наплывом беженцев приводит к тому, что многим из них придется пробыть здесь в течение как минимум нескольких лет, ожидая рассмотрения поданных ими прошений.

Очевидно, что наличие в стране значительного количества как недавних иммигрантов, получивших определенный официальный статус, так и тех представителей этнических меньшинств, которые уже прожили здесь несколько лет, требуют от правительства уделять особое внимание вопросам предоставления услуг сферы здравоохранения этим категориям лиц, вопросам обустройства их жильем, проблемам занятости и образования. Между тем такая очевидность для некоторых лиц, непосредственно занимающихся разработкой в том числе и социальной политики Великобритании в парламенте, становится причиной для более, чем резких заявлений в адрес ищущих убежища в этой стране. Газета *The Guardian* приводит следующее высказывание члена Парламента от Восточного Йоркшира Джона Тоуненда: «Наше однородное, гомогенное англосаксонское общество оказалось сильно подорванным массивной иммиграцией... которая имеет место с момента окончания Второй мировой войны... На мой взгляд, единственное правильное решение, которое может быть принято в отношении ищущих убежища, это как можно скорее выслать их обратно» [The Guardian, 28.03.2001].

Вообще, последний год ушедшего тысячелетия и следующий за ним 2001 год - год всеобщих выборов в Великобритании - с новой силой обострили вопрос мультикультурного будущего Британии. Именно в 2000 году публикуется доклад Биху Пареха «*Будущее мультиэтнической Британии*», явившийся результатом работы одноименной комиссии и вызвавший взрыв патриотического негодования граждан Великобритании. Наибольшее неприятие у общественности вызвали предположения автора доклада о том, что по самой своей сути так называемая «британская идентичность» всегда была глубоко расистским понятием [Parekh, 2000]. В казавшемся бесконечном предвыбор-

ном марафоне вопросы мультикультурализма, расы, этничности стали центральным лейтмотивом. Правые облекали свою заботу о чистоте британской этничности в форму нависшей над Великобританией угрозы «эрозии Британского англосаксонского культурно-исторического наследия» [Alexander, Alleyne, 2002, P. 542]. Их представитель, Вильям Хейг, активно предостерегал избирателей от голосования за Тони Блэра, говоря, что «Британия после второго срока пребывания Блэра на посту премьер министра превратится в чужую, не знакомую для нас страну» [The Guardian, 05.03.2001]. В той же речи он предлагал упрятывать беженцев, ищущих убежища, за решетку, дабы с ними было меньше проблем... Однако, в целом, все партии разыгрывали карту «классной и крутой мультикультурной Британии» [Alexander, Alleyne, 2002], цинично и открыто маневрируя своими идеями и стараясь заручиться поддержкой как можно большего числа «этнических» голосов.

Таким образом, мультикультурализм как социальное явление в Великобритании, с одной стороны, оказывается заложником сильно политизированного общественного мнения и порой нечистоплотного поведения самих политиков. С другой стороны, уже в качестве элемента социальной политики мультикультурализм пока не в состоянии получить необходимой теоретической и практической подпитки, поскольку скорее подвергает этнические различия критической оценке, нежели способствует их гармонизации и принятию в обществе.

Современных исследователей британского мультикультурализма сложно однозначно классифицировать как его защитников или как его оппонентов. Причина этого довольно объяснимая. Несмотря на поддерживаемую в обществе идею уникальности британского мультикультурализма, ученые, отмечая очевидную неоднозначность этого понятия, совмещают в своих теориях разные видения и подходы. На недавнем, прошедшем в ноябре 2001 года в Лондоне научно-практическом семинаре «*В поисках внимания: мультикультурализм и политика признания*», Кеннан Малик, автор известной в Британии книги «*Смысл расы*», заметил, что «следует рассматривать мультикультурализм в Британии, во-первых, как образ жизни, и, во-вторых, как идеологию» [Malik, 2002]. По мнению Малика, те самые критические суждения в адрес норм и ценностей «других» этнических групп, которые возникают при анализе этнических различий, автоматически превращаются при образе жизни, называемом мультикультурализмом, в толерантность и уважение к этим различиям. Поэтому, согласно его позиции, мультикультурализм как форма социальной регуляции вполне срабатывает и заслуживает поддержки и доверия. Совсем иное отношение к мультикультурализму в качестве идеологии общества и государства. Такой мультикультурализм, замечает Кеннан Малик, не действует, и процесс создания общества равных возможностей под флагом такого идеологического мультикультурализма не реализуется на практике [Malik, 2002].

Еще более углубиться в сложную «материю» мультикультурализма побуждают работы известной журналистки, аналитика, вице-президента Ассоциации Объединенных Наций в Великобритании Ясмин Алибай-Браун. Ее опыт в исследовании проблем этнокультурных отношений в Великобритании огромен, авторитет в академической и журналистской среде высок. При этом даже такой искушенный в воп-

росах мультикультурализма специалист приходит в своих работах к полярным выводам по поводу полезности и возможности применения мультикультурализма в качестве принятой на национальном уровне политики в Великобритании. Так, в своей книге *«Истинные цвета: отношения к мультикультурализму и роль правительства»* (Alibhai-Brown, 1999) Алибай-Браун, опираясь на проведенные ею исследования, показывает, что правительство должно занимать лидирующее положение в стране по вопросу преодоления негативных расовых и этнических стереотипов, сложившихся у значительной части населения Великобритании. Именно правительство, а также политические лидеры, подчеркивает автор, должны создавать и поддерживать позитивное отношение белого населения Великобритании и населения в целом к этническим меньшинствам и мультикультурной природе британского общества. Однако, как неоднократно отмечалось многими аналитиками, и лейбористы, и консерваторы оказываются заложниками общественного мнения вместо того, чтобы гармонизирующим образом влиять на развитие мультикультурализма в стране [Alibhai-Brown, 1999, P. 17]. Мультикультурализм может стать, по мнению Алибай-Браун, тем недостающим звеном в государственной политике, которое поможет создать сплоченное общество, прежде всего, решая вопросы иммигрантов с точки зрения социальной политики, то есть вопросы обеспечения их работой, жильем, доступным образованием, услугами здравоохранения. В случае применения на практике такой стратегии в течение нескольких лет, правительству удастся сформировать положительное восприятие населением Британии как мультикультурного общества [Alibhai-Brown, 1999, P. 2]. Автор призывает «обращаться с мультикультурализмом аккуратно», при этом с достаточным оптимизмом показывает, как мультикультурализм уже послужил делу создания общества «равных возможностей, в котором преобладают признаваемое культурное разнообразие и атмосфера взаимной толерантности» [Alibhai-Brown, 1999, P. 22].

Вклад представителей этнических меньшинств в современную жизнь Великобритании не ослабевает, а напротив, становится все более весомым и проявляется в экономике, политике, государственной службе, ряде социальных отраслей - медицине и образовании - и, кроме того, в культуре и искусстве. Значительное число британских миллионеров, так называемых «self-made millionaires», являются выходцами из этнических сообществ, 23% докторов, имеющих сертификаты Национальной службы здравоохранения Великобритании, имеют не британские корни [Alibhai-Brown, 1999, P. 17].

Разумеется, если на уровне ежедневного предоставления государственных услуг населению проблемы расы, этнических различий опеределенным образом и довольно успешно нивелируются, это еще не повод считать, что социальное неравенство и неучастие ряда этнических меньшинств в полноценной общественной жизни в Великобритании совершенно преодолены. Как только дело касается вопросов, связанных с властью, принятием решений, влиянием на развитие государства, тут, например, британцы с темным цветом кожи и выходцы из Азии имеют чрезвычайно слабые позиции. Из 651 члена Британского парламента только шесть являются представителями этнических меньшинств. Мы также не найдем в Великобритании представителей этнических меньшинств в Верховном суде, среди ре-

дакторов национальных газет, полицейских офицеров высокого ранга [Black to Black, 1996].

Многослойность, неоднозначность проблемы мультикультурализма также осложняет восприятие этнического многообразия населением Великобритании. Выступая с речью на праздновании двадцатилетнего юбилея принятия Закона о расовых отношениях в Великобритании (1976) министр иностранных дел Великобритании Джэк Стро отметил, что «сегодня мы являемся свидетелями результатов введения законодательства о расовых отношениях лейбористским правительством в 1976 году. Это, несомненно, послужило продвижению курса расовой интеграции в британском обществе. Закон не только изменил правовые рамки предотвращения дискриминации по признаку расы и цвета кожи, но также преуспел в вопросах изменения отношения обществу к этим вопросам» [Straw, 1996].

Между тем научный проект, осуществленный Институтом исследования государственной политики, не умаляя роли и значимости Закона о расовых отношениях в части сдвигов в общественном сознании британцев, в то же время представил более комплексную картину произошедших изменений. Несмотря на то, что наиболее воинственные и грязные призывы расистского толка, полные предубеждений и устаревших стереотипов, сегодня стали социально неприемлемыми, общественное мнение еще не достигло того прогрессивного максимума, когда мультикультурная, мультиэтническая Британия будет получать безоговорочную поддержку. Существующие сегодня социально-политические стратегии, к сожалению, не преуспели в вопросах установления взаимных позитивных взглядов между белыми британцами и членами сообществ этнических меньшинств, что совершенно необходимо для создания сплоченного, равноправного, мультикультурного общества [Alibhai-Brown, 1999, P. 23].

Развитие идей мультикультурализма в Великобритании, постоянная переоценка ценностей подобной стратегии на сегодняшний день привели к противоречивым результатам. Мнение некоторых ученых о возможном принятии мультикультурализма в качестве государственной социальной политики изменилось радикальным образом. Так, в интервью Алибай-Браун 23 мая 2000 года газете «*Дэйли Телеграф*», которое было озаглавлено «*Почему мультикультурализм провалился?*», мы уже не найдем и тени того оптимизма, который пропитывал ее же монографию 1999 года «*Истинные цвета*». Автор теперь считает, что «наши мультикультурные программы, концентрирующиеся на мониторинге этнических меньшинств и оказании дополнительных услуг темнокожему населению и выходцам из Азии, оказываются неуместными, вызывающими разногласия и распри между представителями этнических сообществ. <...> Мультикультурализм, таким образом, противопоставляет одни существующие этнические сообщества *другим*» [Daily Telegraph, 23.05.2000].

Проблема здесь, на наш взгляд, не только в том, что сегодня мультикультурализм видится как нечто совершенно необходимое для этнических меньшинств и абсолютно бесполезное и даже вредное для белого населения Британии. Алибай-Браун отмечает, что «белые граждане не видят смысла для себя в мультикультурализме, наоборот, им кажется, это только нечто, специально разработанное для цветных жителей Великобритании. Англичане раздражены тем, что их этнич-

ности не уделяется внимания, она практически игнорируется, тогда как другие идентичности - уэльсцы, шотландцы, хинди и другие - приветствуются и развиваются» [Daily Telegraph, 23.05.2000]. Очевидно, что проблема белого большинства и принятия или отвержения им мультикультурной Великобритании осложняется тем, что само белое население страны далеко неоднородно. Здесь также встает серьезный вопрос о соотношении этнического многообразия и этнической идентичности в рамках британского мультикультурализма. В своей лекции *«Перспективы мультикультурализма»*, прочитанной 9 ноября 2000 года в Лондонской школе экономики и политических наук, Алибай-Браун приходит к выводу, что если идентичность и прежде всего - этническая идентичность - имеет дело с «похожестью», «тождеством», «сходством», то этническое многообразие по определению находится в разном отношении с идентичностью [Alibhai-Brown, 2000, <http://www.fathom.com/feature/122364>]. Таким образом, пытаться построить сплоченное общество, создать национальную британскую идентичность с помощью мультикультурализма, который в Британии предполагает расцвет этнического многообразия, затруднительно.

Однако, на наш взгляд, мультикультурализм может способствовать в Великобритании созданию толерантного отношения ко всем этническим меньшинствам, а также развитию стратегии равного доступа этнических меньшинств к рынку рабочей силы, услугам образования, здравоохранения.

Анализируя трансформацию идей о мультикультурализме в Великобритании и возможности оформления этой идеи в вариант государственной социальной политики, хотелось бы отметить реальное отличие Великобритании от большинства европейских стран в аспекте осуществляемой в страну иммиграции. Страны севера Западной Европы, принимавшие с большим желанием экономических иммигрантов из Восточной и Южной Европы в качестве дешевой рабочей силы после Второй мировой войны, еще до начала 1970-х годов ощутили ее серьезные социальные и политические последствия. Именно по причине озабоченности проблемами, которые принесла с собой иммиграция, принимающие европейские страны вскоре после нефтяного кризиса 1973 года прекратили прием иностранной рабочей силы. Однако, хотя трудовая иммиграция и была приостановлена, продолжалась и росла иммиграция беженцев, и к концу 70-х годов прошлого столетия стало очевидным, что новые иммигранты останутся в Западной Европе навсегда [Castles, 1984].

Несмотря на то, что и Великобритания, и другие страны Западной Европы сами характеризовались определенной этнической неоднородностью, реакция общества и государства на тот национальный, этнический, культурный плюрализм, который принесли с собой послевоенные иммигранты, значительно отличалась от реакции на особенности внутренних этнических меньшинств. Иммигрировавшие меньшинства не имели территориальных претензий, поэтому признание их разнообразия не могло быть решено государством за счет децентрализации и предоставления административной автономии. Со всем наоборот, интеграция иммигрантов оказывала значительное воздействие на все общество в целом. Иммигранты стремились отнюдь не к тому, чтобы их воспринимали лишь как осуществляющих вклад в экономическое, социальное и политическое развитие прини-

мающих государств, а к тому, чтобы быть объединенными между собой особым социально-экономическим, правовым и политическим статусом, и непременно быть ассоциированными с культурной или расовой идентичностью, имеющей корни за пределами Европейского этнокультурного контекста [Perotti, 1994].

Разделяя общую озабоченность по поводу интеграции иммигрантов, различные страны и многообразные государственные институты в этих странах применяют множество подходов к решению этого вопроса. Само понятие интеграции применяется обычно для обозначения множества процессов в спектре от социальной и культурной ассимиляции меньшинств до защиты и воспроизводства отдельных этнических идентичностей. Небольшое число стран, например Франция и Федеративная Республика Германии, приняли и исполняют ассимиляционную политику под лозунгом «ассимилируйтесь или возвращайтесь», в то время как Великобритания, Швеция, Нидерланды избрали в качестве интеграционной политики мультикультурализм или признание «мультирасового общества». Следует сказать и о том, что политика в отношении иммигрантов заметно отличается в зависимости от того, на какие именно группы иммигрантов она направлена. Эти различия могут инициироваться как идентичностью групп (к примеру, различными будут подходы к отношениям между европейцами и африканцами, отношениям между христианами и мусульманами), так и «зрелостью» иммиграции и внутренними аспектами иммиграционной истории (здесь речь будет идти, например, об отличии постоянной «колониальной» иммиграции от иммиграции временной, на основе трудового контракта) [Collinson, 1998].

Интересно заметить, что даже в терминологии, используемой в разных странах для обозначения иммигрировавших меньшинств, прослеживается, как этнические группы иммигрантов рассматриваются обществом и правительством в качестве некоего класса, дистанцированного от основного мажоритарного общества [Wilpert, 1988, P. 3]. Так, в Британии и Нидерландах принято говорить об иммигрировавших меньшинствах как об «этнических меньшинствах», в Германии - об «иностранцах», «чужих», «иностранных со-гражданах», а во Франции о «иммигрантах» или о «населении иностранного происхождения» [Collinson, 1998, P. 155].

Основным отличием послевоенной массовой иммиграции в Великобританию, определившей все дальнейшее развитие социальной политики страны, направленной на взаимную адаптацию иммигрировавших меньшинств и принимающего большинства, явился тот факт, что большинство иммигрантов были «колониальными» иммигрантами, въезжавшими в страну как британские граждане с полным набором сопровождавших гражданство прав и свобод. Действительно, согласно Закону о гражданстве 1948 года, все граждане британских колоний и стран Содружества являлись гражданами Великобритании, могли иметь британский паспорт, въезжать в Великобританию с целью поиска работы, могли оставаться здесь жить, привозить с собой семью и при этом не служить объектом внимания со стороны иммиграционных властей. Прибывая в Великобританию, указанные категории граждан обладали на равных с другими гражданами страны всеми права-

ми и обязанностями, включая право участия в голосовании на общенациональных и местных выборах.

Казалось бы, очевидность институционализации отношений иммигрантов и принимающего государства должна была незамедлительно выразиться в разработке соответствующего законодательства, различных социальных мер. Однако именно в связи со спецификой колониальной иммиграции в Великобританию этой стране потребовалось довольно много времени, чтобы, наконец, лишь в 1965 году принять Закон о расовых отношениях, очень ограниченный по своей направленности, основное содержание которого сводилось к объявлению незаконной дискриминацию в публичных местах. Безусловно, его принятие и введение в действие не могло сколько-нибудь значимо отразиться на положении иммигрантов в британском обществе [Layton-Henry, 1984, P. 134].

Прибывая в значительном количестве, иммигранты начали представлять для Британии проблему, вышедшую на общенациональный уровень и изначально приобретшую расовый, а позже этнический оттенок. В обыденной жизни и на политическом уровне понятие «иммигрант» означало «человек с отличным от белого цветом кожи». Лэйтон-Генри в этой связи отмечал, что «такие характеристики, дистанцирующие не-белых представителей от остального населения, никогда не применялись к <...> ирландцам, итальянцам или полякам, что показывает глубину расового предубеждения и явный потенциально политический характер будущих дебатов по вопросу иммигрантов» [Layton-Henry, 1992, P. 73]. Несмотря на то, что британская политическая элита никогда не была абсолютно свободна от расистских предрассудков, основные политические партии постоянно демонстрировали причастность к нивелированию расового и этнического неравенства в мультикультурном обществе.

В конце шестидесятых годов прошлого века с новой очевидностью стала ощущаться потребность более активного отклика государства на мультикультурные проблемы иммигрантов и общества в целом. Однако, всерьез опасаясь негативной реакции со стороны доминирующего населения, особенно со стороны белокожего рабочего класса, политики и члены правительства не решались вводить какие-либо программы на общенациональном уровне, имеющие явной целью упрочение социального и экономического статуса иммигрантов. Вместо этого в качестве национальной стратегии, определяющей социальную политику государства, была избрана стратегия равных возможностей, осуществляемая через принудительное антидискриминационное законодательство, а не через создание программ, от исполнения которых могли выиграть этнические меньшинства.

Эту точку зрения правительства предельно ясно выразил министр внутренних дел Великобритании Джеймс Кэллаган, когда он в 1968 году выступил во время второго чтения в Парламенте нового законодательного акта, преследующего цель улучшить взаимоотношения принимающего общества и иммигрантов - Закона о расовых отношениях. Согласно заявлению министра, «Закон касается равных прав, равных обязанностей и равных возможностей и именно поэтому это Закон для всей нации, а не только для групп меньшинств. <...> Его

цель - в целом защитить общество от акций, которые приведут к социальной дезинтеграции и в том, чтобы не допустить возникновение в стране граждан «второго класса»» [Layton-Henry, 1984, P. 134]. Тогда же, в конце шестидесятых, с введением Закона о расовых отношениях официальный Лондон старался привить гражданам понимание, что интеграция вновь прибывших иммигрантов отнюдь «не является выравнивающим процессом ассимиляции, а должна восприниматься как стратегия равных возможностей, сопровождается культурным разнообразием и атмосферой взаимной толерантности» [Patterson, 1969, P. 113]. В последнее десятилетие государственная социальная политика Британии стала описываться как имеющая целью сформировать общество, в котором каждый «может свободно и полно участвовать в экономической, социальной и политической жизни нации, в то же время имея возможность свободно выражать и поддерживать свою собственную религиозную и культурную идентичность» [Home Office Official Site, <http://www.homeoffice.gov.uk>].

Усиливающийся и становящийся более диверсифицированным поток иммигрантов в Великобританию уже к концу 70-х годов XX века не оставил сомнений в том, что существующие государственные стратегии не эффективны в своих попытках предотвратить распространение дискриминации в отношении этнических меньшинств, особенно заметное в сфере жилищной политики и политики занятости. Уже в 1976 году был введен в действие новый Закон о расовых отношениях, запрещающий как прямую, так и косвенную дискриминацию во всех сферах общественной жизни и, кроме того, учреждавший Комиссию по вопросам расового равенства в качестве института, ответственного за обеспечение скорейшего и полного введения закона в жизнь. Именно 1976 год стал знаковым моментом на пути развития британской социальной политики, поскольку с момента принятия тогда Закона о расовых отношениях и создания Комиссии по вопросам расового равенства основной целью этой политики стало именно активное развитие интеграции этнических меньшинств в британское общество.

Вместе с тем, нельзя сказать, что с того времени в Британии были достигнуты какие-либо заметные успехи в сфере искоренения этнической дискриминации, изменения предубеждения общественности относительно этнических меньшинств. Здесь нам бы хотелось отметить тот факт, что иногда все же государственная политика Великобритании характеризуется как в целом мультикультурная. Происходит это благодаря достаточному простору, предоставляемому для культурной автономии этнических меньшинств, а также за счет того, что в значительном числе графств местные власти придерживаются более мультикультурной линии поведения, нежели центральное правительство в Лондоне, особенно это проявляется в образовательной сфере. Однако Великобритания до сих пор так и не сочла нужным в явном виде принять мультикультурализм в качестве своей социальной политики на национальном уровне. Некоторые исследователи мультикультурализма в связи с этим замечают, что правительство более предпочитает пассивно наблюдать за решением культурных проблем, нежели непосредственно участвовать в их разрешении [Collinson, 1998, P. 158].

На общем пессимистическом фоне ситуации с мультикультурализмом в Великобритании еще более выпукло смотрятся публикации в средствах массовой информации, связанные с вопросами адаптации этнических меньшинств в британском обществе, роли государства в их интеграции в более широкое общество. Тем более что эти публикации, как и проанализированные выше академические позиции, с одинаковым эмоциональным напором и патриотизмом то призывают считать мультикультурализм лекарством от всех социально-политических и этнокультурных бед, которое нужно современной Великобритании, то объявляют его серьезным злом, не дающим стране гармонично развиваться и покушающимся на существующую единую британскую национальную идентичность, ничего общего не имеющую с мультикультурализмом.

Ярко иллюстрирующими примерами практически полярного восприятия мультикультурализма в британском обществе, на наш взгляд, являются две статьи из газеты *The Guardian*. Первая, более ранняя, опубликованная в конце мая 2001 года, появилась как отклик на то, что закончившиеся этнические волнения в Олдхэме¹, вызванные усилением экстремистских действий в отношении выходцев из Пакистана и Бангладеш, составляющих 12% городского населения. Расовая сегрегация в отношении рабочих мест, предоставления образовательных услуг, обеспечения жильем всегда была отличительной чертой социальной политики местных властей, на которую Лондон не обращал внимания в течение долгого времени, вплоть до тех пор, когда в 1989 году 14-летний школьник из Азии по пути домой не был убит точным попаданием в глаз из воздушного ружья. Полиция вновь осталась индифферентной к случившемуся и продолжала закрывать глаза на учащающиеся насильственные акты по отношению к азиатским этническим меньшинствам. С того момента представители национальных сообществ совершенно потеряли доверие к полицейским и перестали даже сообщать в полицию о совершенных против них нападениях. Анти-расистские выступления достигли своей точки кипения 26-28 мая 2001 года, когда представители этнических меньшинств атаковали полицейские участки и некоторые офисы и пабы Олдхэма после очередных вооруженных нападений со стороны прорасистски настроенных групп.

Обозреватель из газеты *The Guardian* считает преждевременным говорить, о том, что Великобритания представляет собой мультикультурное общество. Более того, автор «убежден, что мультикультурализм является одним из главных препятствий на пути к установлению добрых межэтнических и межрасовых отношений. На самом деле мультикультурализм провоцирует и подкрепляет расизм. Он порождает неразбериху, чувство обиды, обделенности, запуганности, поощряет разделение в обществе и не дает людям создавать разделяемую всеми национальную британскую идентичность» [The Guardian, 26.05.2001]. Тот факт, что довольно долгое время мультикультурализм преподносился как элементарная альтернатива расизму, затруднял развитие критических подходов к мультикультурализму, так как разговоры об объединяющей роли одной культуры - культуры принимающей

¹Oldham – большой город к северо-востоку от Манчестера

страны - стали антигосударственными. Самое печальное, что, по мнению автора статьи, мультикультурализм, приветствуя этническое, культурное многообразие, игнорирует одну единственную культурную традицию, а именно - английскую (или британскую). Тут и там в Великобритании возникают, казалось бы, незначительные знаки такого неуважения - в школах отменяются празднования Рождества, в академическом издании, рассказывающем о богатстве культур в Великобритании, ни разу не встречается слово «английский»...[The Guardian, 26.05.2001].

Наконец, апофеозом развенчания всего британского может служить уже упоминавшийся нами доклад Биху Пареха. После его публикации, где фактически журналист утверждает, что «иммигранты питают уважение к британскому государству, но не к британским ценностям, привычкам и образу жизни», он задается вопросом, что может быть более разрушительным для формирования смешанного, поликультурного сообщества? Что может быть более губительным для идеала мультикультурной Британии? Что же является истинной причиной приезда иммигрантов, если они на самом деле не питают уважения к британскому образу жизни и британским традициям? Как можно вообще приветствовать иммиграцию людей с такими установками в сознании? Как после таких выводов должны чувствовать себя представители меньшинств, лояльные ко всему британскому? Итогом статьи является заявление, что мультикультурализм - это рецепт постоянной дифференциации, разделения и противостояния в обществе [The Guardian, 26.05.2001].

Вторая статья из того же информационного источника, написанная, кстати, обозревателем, который сам является выходцем с острова Шри-Ланка, уже своим заголовком настраивает на позитивное отношение к мультикультурализму, которое необходимо развивать в Великобритании. Заголовок следующий - «*Зоны изоляции. Люди всех рас виновны в разрушении истинного мультикультурализма*» [The Guardian, 10.05.2003]. Положив в основу статьи собственный жизненный опыт иммигранта, автор отмечает серьезные изменения, которые произошли за последние несколько десятков лет в формировании культурной идентичности иммигрантов, в том, как они ощущают на себе воздействие мультикультурализма. Если три десятилетия назад дети иммигрантов подвергались в преимущественно «белых» школах терапии «полного культурного погружения» в их среду, то ситуация с современными детьми их этнических сообществ совершенно противоположная. Многие из них пребывают в школе в некоем «этническом микрокосме». Тогда как в недавнем прошлом ребята из этнических сообществ, подрастая, испытывали определенную неловкость в отношении, как им начинало казаться, неестественных, непривычных, странных традиций своих родителей, то сегодняшние подростки сталкиваются с обратной проблемой: они ощущают искусственную отчужденность, нежелательный отрыв от культуры той страны, в которой они должны двигаться вперед по жизненному пути [The Guardian, 10.05.2003]. После таких выводов автор вполне правомерно задается вопросом: каков именно был эффект мультикультурализма, поддерживающего и питающего расовые и этнические отношения в Великоб-

ритании? Мультикультурализм, по мнению журналиста, возможно, взрастил и взлелеял право любого человека на то, чтобы быть уникальным, отличным от других, но в то же самое время не сумел предложить какие-либо стимулы к взаимодействию разных этнических групп, их пересечению и взаимопониманию.

Экзотический мультикультурализм, который в академической литературе часто еще называют сувенирным [Fish, 1998, P. 69], заключающийся в возможности насладиться индийской кухней в одном из лучших ресторанов Лондона или латиноамериканскими элементами в модной одежде, - это не настоящий мультикультурализм. Все это замечательно, и вы можете продолжать рассуждать на тему современной и «разноцветной» Великобритании, ни разу ни попробовав пожить в соседних домах с общим забором, с теми, кто говорят на другом языке или как-то по-другому молится Богу.

Так кто же на самом деле оказывается в зоне изоляции? Иммигранты, формирующие определенные территориальные кластеры в крупных городах, или белое население, которое стремится покинуть эти районы как можно скорее? Сегодня значительный отток среднего класса европейской расы из городских районов в пригороды становится чем-то вроде городского ритуала. Однако такое явление в последнее время перестает быть односторонним, и представители этнических меньшинств, как только повышается и крепнет их благосостояние, тоже стремятся переехать из центральных районов Лондона и других городов. Причиной тому - не столько азиатское или чернокожее население, а неудовлетворительное обслуживание со стороны властей, жалкий спектр услуг, предоставляемых местной администрацией, некачественное образование в плохих школах, высокий уровень преступности, безучастность полиции. Результатом является рост числа фактически изолированных от остального общества городских районов и территорий с пониженным уровнем благосостояния. Статья заключается выводом, что «настоящий, истинный мультикультурализм, и это то, за что мы (граждане Великобритании - *примеч. автора*) ратуем, не может быть предоставлен сам себе. Мультикультурализм должен стать основной целью социальной политики, а не просто радужной перспективой» [The Guardian, 10.05.2003].

На наш взгляд, точки зрения, высказанные в обеих статьях, с первого взгляда практически полярные, однако, их можно примирить, если действительный мультикультурализм обратится в действующую социальную политику на национальном уровне. Ведь если не согласиться с первым предположением о пагубности уничтожения «британской идентичности», то придется ответить на вопрос, логически вытекающий из второй иллюстрации: почему тогда британцы не считают своим долгом поддерживать все британское на высшем уровне и в тех частях страны, где значителен процент этнических меньшинств? Разве в районах, где живут азиаты и чернокожие - уже не Великобритания? Если британцы хотят продолжать гордиться своей нацией, мультикультурализм также должен составлять основу этой гордости, и для европейцев, и для этнических меньшинств, населяющих Британию.

На наш взгляд, Великобритания, безусловно, в позитивном смысле слова обречена на мультикультурализм, который должен выражать-

ся в высоких и равных требованиях к профессионализму при приеме на работу, в принятии и раскрытии различий в психологии и религиозных традициях разных этнических групп, в равном доступе к образовательным услугам и услугам здравоохранения, - но не в варианте «изолированных зон», а в варианте интеграции в принимающее общество. И, как нам кажется, самое главное - в принятии самого существования такого общества, с его государственными и общественными институтами, взявшими на себя ответственность и заботу о мультикультурной Великобритании, об обеспечении ее гармоничного, созидательного развития. Именно на уровне государственной стратегии развития этих институтов мультикультурализм востребован и приносит значительные плоды в сфере равных возможностей и управления разнообразием.

Список литературы

- Alexander C., Alleyne B.* Introduction: Framing Difference: Racial and Ethnic Studies in Twenty-First-Century Britain // *Ethnic and Racial Studies*. 2002. Vol. 25. № 4. P. 542.
- Alibhai-Brown Y.* True Colours: Attitudes to Multiculturalism and the Role of the Government. London: Institute for Public Policy Research, 1999. P. 2, 17, 22-23.
- Alibhai-Brown Y.* Perspective on Multiculturalism. The lecture delivered at the London School of Economics on November 9. 2000. <http://www.fathom.com/feature/122364>
- Aspinall P.* The Challenges of Measuring the Ethno-Cultural Diversity of Britain in the New Millennium // *Policy and Politics*. 2000. Vol. 28. № 1. P. 114.
- Black to Black, Issue10, September. 1996.
- Castles S., et al.* Here for Good : Western Europe's New Ethnic Minorities. London and Sydney: Pluto Press, 1984.
- Collinson S.* Public Policies Towards Immigrant Minorities in Western Europe // *Ethnic Diversity and Public Policy. A Comparative Inquiry*. Ed. by Young C. London: Palgrave, 1998. P. 153-187.
- Coussey M.* Ethnic Diversity in the European Union: Policies for New Europeans // *Intercultural Europe. Diversity and Social Policy*. Ed. by J. Gundara, S. Jacobs. Aldershot: Ashgate, 2000. P. 79-92.
- Daily Telegraph*, 23 May, 2000.
- Favell A. Multi-Ethnic Britain: an exception in Europe? // *Patterns of Prejudice*. 2001. Vol. 35. № 1. P. 35-36.
- Fish S.* Boutique Multiculturalism // *Multiculturalism and American Democracy*. Ed. by A. Melzer, J. Weinberger, M. Zinman. New York, 1998. P. 69.
- Guibernau M. and Rex J.* (Eds) *The Ethnicity Reader: Nationalism, Multiculturalism and Migration*. Cambridge: Polity Press? 1997.
- Gundara J., Jacobs S.* (Eds) *Intercultural Europe. Diversity and Social Policy*. Aldershot : Ashgate, 2000.
- Home Office Official Site. <http://www.homeoffice.gov.uk>
- Jack Straw.* Speech to Labour Party Home Affairs Group made on 11 June 1996.

Антонова • Великобритания обречена на мультикультурализм или мультикультурализм в Великобритании обречен?

- Jenkins R.* Rethinking Ethnicity. Sage Publications, 1997.
- Jones T.* Britain's Ethnic Minorities: An Analysis of the Labour Force Survey London: Policy Studies Institute, 1993.
- Kymlicka W., Opalski M.* (Eds) Can Liberal Pluralism Be Exported? Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe. New York: Oxford University Press, 2001.
- Kymlicka W.* Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism, and Citizenship. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Layton-Henry Z.* The Politics of Immigration. Immigration, «Race», and «Race» Relations in Post-War Britain. Oxford and Cambridge: Blackwell, 1992.
- Layton-Henry Z.* The Politics of Race in Britain. London: Allen and Unwin. 1984. P.134.
- Malik K.* Can Multiculturalism Work? The paper presented at the Attention Seeking: Multiculturalism and the Politics of Recognition: Institut francais. London. 16 November, 2002.
- Miles R. and Thranhardt D.* (Eds) Migration and European Integration. London: Pinter, 1995.
- Modood T. and Werbner P.* (Eds) The Politics of Multiculturalism in the New Europe. London: Zed Books, 1997.
- Office for National Statistics, Census, April 2001. <http://www.statistics.gov.uk>
- Parekh B.* The Future of Multi-Ethnic Britain: Report of the Commission on the Future of Multi-Ethnic Britain / chair, Bhikhu Parekh. London: Profile, 2000.
- Patterson S.* Immigration and Race Relations in Britain, 1960-67. Oxford: Oxford University Press, 1969, P. 113.
- Peach C.* The Muslim Population of Great Britain // Ethnic and Racial Studies. 1990. Vol. 13. № 3. P. 414-419.
- Perotti A.* The Case for Intercultural Education. Council of Europe, 1994.
- Rex J. and Drury B.* (Eds) Ethnic Mobilisation in a Multi-Cultural Europe. Aldershot: Avebury, 1994.
- Rex J.* Political Sociology and Cultural Studies in the Study of Immigrant Communities in Europe // Intercultural Europe. Diversity and Social Policy. Ed. by J. Gundara, S. S.Jacobs Aldershot: Ashgate, 2000. P. 63-78
- Soysal Y.* Limits of Citizenship: Migrants and Postnational Membership in Europe. Chicago: University of Chicago, 1994.
- The Guardian, 10 May 2003.
- The Guardian, 26 May 2001.
- The Guardian, 28 March 2001.
- The Guardian, 5 March 2001.
- Wilpert C.* From One Generation to Another: Occupational Position and Social Reproduction - Immigrant and Ethnic Minorities in Europe // Wilpert C. (ed.) Entering the Working World. Following the Descendants of Europe's Immigrant Labour Force. Aldershot: Avebury (Gower Publishing), 1988.

Wrench J. and *Solomos J.* (Eds) *Racism and Migration in Western Europe.* Oxford: Berg, 1993.

Young C. (Ed) *Ethnic Diversity and Public Policy. A Comparative Inquiry.* Ed. by Young London: Palgrave, 1998.

Young C. (Ed) *The Accommodation of Cultural Diversity. Case-Studies.* London: Macmillan Press, 1999.

Виктория Константиновна Антонова
д.с.н., профессор кафедры Государственного и муниципального
управления Поволжской академии государственной службы
(г. Саратов),
докторант Университета Эссекса (Великобритания),
электронная почта: v_antonova@mail.ru,
Саратов - Эссекс
